

БИБЛИОТЕКА
СТАРОГО ЗАМКА

ПРОКЛЯТИЕ
ЗАБЫТЫХ
ПОМЕСТИЙ

ТОМ 1

Библиотека старого замка

Эдит Несбит

Проклятие забытых поместий

«Автор»

2026

Несбит Э.

Проклятие забытых поместий / Э. Несбит — «Автор»,
2026 — (Библиотека старого замка)

«Проклятие забытых поместий» — это коллекция из десяти историй о привидениях от культовых, но несправедливо забытых мастеров литературы девятнадцатого и начала двадцатого века. Вас ждут скрипящие половицы заброшенных особняков, семейные грехи, мстительные духи и мрачные тайны, надежно скрытые за тяжелыми бархатными портьерами. В этом томе собраны произведения писателей, заложивших фундамент современного жанра ужасов: Шарлотта Ридделл и Амелия Б. Эдвардс проведут вас по стылым коридорам проклятых домов и познакомят с обреченными пассажирами кареты-призрака. Мэри Э. Уилкинс Фримен докажет, что самая обычная тень на стене может напугать до нервной дрожи. Ф. Мэрион Кроуфорд (творчеством которого восхищался сам Г. Ф. Лавкрафт) заставит заглянуть на зловещую «верхнюю полку» корабельной каюты. А создательница добрых детских сказок Эдит Несбит раскроет свою темную сторону в тревожных историях об оживших мраморных изваяниях.

© Несбит Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Шарлотта Ридделл — "Открытая дверь"	5
Шарлотта Ридделл - "Ферма Ореховый куст"	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Проклятие забытых поместий

Шарлотта Ридделл — "Открытая дверь"

Шарлотта Ридделл (1832–1906)

Одна из самых влиятельных писательниц викторианской эпохи, мастерски соединявшая в своих сюжетах финансовые интриги и леденящую кровь мистику. Она была совладелицей престижного литературного журнала и одной из первых женщин, сделавших жанр рассказа о привидениях коммерчески успешным, проложив путь многим последователям.

Некоторые люди не верят в привидения. Если уж на то пошло, некоторые вообще ни во что не верят.

Находятся и те, кто напускает на себя показной скептицизм даже в отношении той самой открытой двери в Ладлоу-Холле. Они заявляют, что она вовсе не стояла распахнутой настежь — мол, при желании её легко можно было закрыть; что всё это лишь игра воображения, а то и чей-то тщательно спланированный заговор; и что они вообще сомневаются, существует ли на земле такое место, как Ладлоу. А как только они окажутся в Медоушире, то непременно всё выяснят сами.

Именно так мои знакомые восприняли эту историю, которая до сих пор нигде не публиковалась. Как её воспримут незнакомцы — совершенно другой вопрос. Я собираюсь рассказать всё в точности так, как это произошло со мной, а читатели вольны поверить или поднять мой рассказ на смех — как им будет угодно. Мне не требуется вымалывать у всего света веру и понимание в довесок к истории о призраке. Будь это так, я бы давно отложил перо.

Возможно, прежде чем продолжить, мне следует признаться, что было время, когда и я сам не верил в привидения. Если бы много лет назад, встретив меня летним утром на Лондонском мосту, вы спросили, считаю ли я подобные явления вероятными или возможными, вы бы получили в ответ решительное «Нет».

Но такими темпами история об Открытой двери никогда не будет рассказана; поэтому, с вашего позволения, перейдем прямо к делу.

— Сэнди!— Чего тебе?— Хочешь заработать соверен?— Еще бы.

Диалог вышел довольно коротким, но в конторе господ Фримптона, Фрэмптона и Фрайера, аукционистов и агентов по недвижимости на Сент-Бенетс-Хилл в Сити, мы вообще не отличались многословностью.

(Меня зовут вовсе не Сэнди и даже не близко к этому, но другие клерки прозвали меня так из-за реального или мнимого сходства с неким уродливым шотландцем, которого они как-то видели в театре. Из этого можно сделать вывод, что я не был красавцем. Далеко не красавцем. Единственный страшила в семье, я прекрасно осознавал свою непривлекательность; и ни для кого не было секретом, что я очень недоволен своей участью. Мне не нравилась работа клерка в аукционной конторе, и мне не нравились мои наниматели.

Впрочем, все мы, полагаю, сотканы из противоречий, потому что для меня стало настоящим потрясением узнать, что они тоже питают ко мне самую искреннюю антипатию.)

— Так вот, — продолжил Партон, мой коллега, который был старше меня на много лет и обожал надо мной подтрунивать, — я могу подсказать тебе, как его заполучить. — И как же? — довольно угрюмо спросил я, чувствуя, что он просто, как он сам это называл, «забавляется». — Помнишь то поместье, которое мы сдали Кэррисону, торговцу чаем? Кэррисон был крупным коммерсантом, торговавшим с Китаем, владельцем целых флотилий и верениц складов; но я не стал поправлять Партона и просто кивнул. — Он взял его в долгосрочную аренду, но жить там не может. Наш патрон сказал сегодня утром, что не пожалеет пары соверенов и оплатит

дорожные расходы любому, кто сможет выяснить, в чем там, черт возьми, дело.— А где это поместье? — спросил я, не поворачивая головы; чтобы удобнее было слушать, я поставил локти на стол и подпер лицо руками.— Далеко в Медоушире, в самом сердце пастбищных земель.— И что же там стряслось? — продолжал допытываться я.— Дверь, которая не закрывается.— Что?— Дверь, которая всё время стоит открытой, если тебе так больше нравится, — пояснил Партон.— Ты шутишь.— Если я и шучу, то Кэррисон — нет, да и Фрайер тоже. Кэррисон примчался сюда в диком бешенстве, и Фрайер тоже вышел из себя, хотя внешне и старался сохранить лицо. Судя по всему, они вели активную переписку, и в итоге Кэррисон отправился советоваться со своим адвокатом. Впрочем, не думаю, что из этой затеи выйдет толк.— Но скажи мне, — взмолился я, — почему дверь не закрывается?— Говорят, в доме водятся привидения.— Какая чушь! — воскликнул я.— Тогда ты как раз тот, кто должен с ними разобраться. Я подумал об этом еще тогда, когда старина Фрайер только завел разговор.— Если дверь не закрывается, — заметил я, продолжая размышлять вслух, — почему бы не оставить её в покое? Пусть себе стоит открытой.— Не имею ни малейшего понятия. Знаю только, что на кону два соверена, и я дарю тебе эту информацию совершенно бесплатно.

Сказав это, Партон снял шляпу и вышел — то ли по своим делам, то ли по поручению хозяев.

Об одном могу сказать с уверенностью: в нашей конторе никто никогда не относился к работе серьезно. Полагаю, сейчас так обстоят дела в большинстве контор, но у нас это было возведено в абсолют. Мы постоянно подшучивали друг над другом, устраивали розыгрыши, рассказывали дурацкие истории, отлынивали от работы, поминутно смотрели на часы, считали недели до очередного банковского выходного и часы — до субботы.

И при всём этом мы искренне и горячо желали прибавки к жалованью и были единомышленны во мнении, что нигде больше не платят таких грошей. Я получал двадцать фунтов в год, что, как я понимал, не покрывало и половины моих расходов на еду дома. Мать и сестры не давали мне об этом забыть, и когда мне требовалась новая одежда, я всегда ненавидел говорить об этом своему бедному, измученному заботами отцу.

Когда-то, я полагаю, мы жили лучше, хотя сам я этого времени не помню. Моему отцу принадлежало небольшое имение в деревне, но из-за краха какого-то банка — я так и не понял, какого именно — его пришлось заложить. Затем проценты перестали выплачиваться, право выкупа было утрачено, и у нас не осталось ничего, кроме отцовской пенсии майора и примерно сотни фунтов в год, которые приносила в общий котел моя мать.

Думаю, мы могли бы сносно жить на эти деньги, если бы не старались так мучительно поддерживать видимость благополучия. Мы вечно пытались прыгнуть выше головы, из-за чего копились долги, а кредиторы держали нас в ежовых рукавицах.

Еще до окончательного краха одна из моих сестер вышла замуж за младшего сына из знатной семьи, и даже если бы они с мужем были склонны жить скромно и разумно, она всё равно заставляла бы сестер держать марку. Мой единственный брат, к тому же, был офицером, и, конечно, семья считала необходимым доказать всем, что мы не ударили в грязь лицом.

Думаю, всё это было тяжким испытанием для моего отца, которому приходилось принимать на себя основной удар от назойливых кредиторов, постоянной нервотрепки и вечной нехватки денег. Я бы, наверное, сошел с ума, если бы не нашел счастливое убежище у своей тетушки, когда дома всё шло наперекосяк. Она была сестрой отца и вышла замуж настолько «ужасающе ниже своего положения», что моя мать вообще отказывалась признавать это родство.

По этим и другим причинам небрежные слова Партона о двух соверенах запали мне в душу.

Мне отчаянно нужны были деньги — признаюсь, у меня в жизни не было и лишнего шестипенсовика, — и я подумал, что если смогу заработать два соверена, то куплю себе пару

необходимых мелочей, а отцу подарю новый зонтик. Фантазия — коварная кокетка, и заигрывать с ней опасно, в чем я вскоре убедился.

Она увлекала меня всё дальше и дальше. Сначала я думал о двух соверенах; затем вспомнил сумму аренды, которую мистер Кэррисон согласился платить за Ладлоу-Холл; затем решил, что он с радостью отдаст куда больше двух соверенов, если ему помогут выдворить призрака. Я размечтался о том, что смогу получить десять фунтов... а то и двадцать. Я обдумывал это весь день, видел во сне всю ночь, а когда одевался на следующее утро, твердо решил поговорить об этом с мистером Фрайером.

Так я и сделал. Я сказал ему, что Партон упомянул об этом деле, и что, если мистер Фрайер не возражает, я хотел бы попытаться разгадать тайну. Я сказал, что привык к уединенным домам и ничуть не испугаюсь; что в привидения я не верю, а грабителей не боюсь.

— Я не против, чтобы вы попробовали, — сказал он наконец. — Разумеется, вы понимаете условие: нет результата — нет оплаты. Поживите в доме неделю; если по истечении этого времени вы сможете держать дверь закрытой, запертой на ключ, задвинутой на засов или заклепкой гвоздями, дайте мне телеграмму, и я приеду; если нет — возвращайтесь. Если хотите взять с собой компаньона, возражений не имею.

Я поблагодарил его, но сказал, что предпочел бы обойтись без компаньона.

— Есть только одно обстоятельство, сэр, о котором я хотел бы попросить, — осмелился я сказать. — И какое же? — перебил он. — Немного больше денег. Если я изгоню призрака или найду ему объяснение, думаю, я заслуживаю больше двух соверенов. — И сколько же вы хотите получить? — спросил он.

Его тон совершенно усыпил мою бдительность — он был таким вежливым и примирительным, и я смело ответил: — Что ж, если мистер Кэррисон всё равно не может жить в этом доме, возможно, он не откажется дать мне банкноту в десять фунтов.

Мистер Фрайер повернулся и открыл одну из книг, лежавших на его столе. Он даже не взглянул в нее и ничего не искал — я это ясно видел. — Сколько вы у нас работаете, Эдвид? — спросил он. — Завтра будет одиннадцать месяцев, — ответил я. — И наш договор предусматривал, кажется, ежеквартальные выплаты и уведомление об увольнении за месяц с любой стороны? — Да, сэр. — Я услышал, как дрогнул мой голос, хотя и не мог бы сказать, что именно меня напугало. — В таком случае, извольте получить свое уведомление сейчас. Зайдите ко мне перед уходом сегодня вечером, я выплачу вам жалованье за три месяца, и мы будем в расчете. — Кажется, я не совсем понимаю... — начал было я, но он перебил: — Зато я понимаю, и этого достаточно. С меня хватит ваших выходок, вашего равнодушия и вашей наглости в этой конторе. У меня еще не было клерка, который вызывал бы во мне такую неприязнь, как вы. Приходить и диктовать условия, подумать только! Нет, вы не поедете в Ладлоу. Многие бедняги... — (он сказал «бедолаги») — ...были бы рады заработать полгинеи, не говоря уже о двух соверенах; и, возможно, вы сами скоро окажетесь в их числе. — Вы хотите сказать, что больше не оставите меня здесь, сэр? — спросил я в отчаянии. — Я вовсе не собирался вас оскорблять. Я... — Избавьте меня от дальнейших оправданий, — прервал он, — я не намерен с вами пререкаться. С тех пор как вы здесь появились, вы ни разу не осознали своего положения и, похоже, не способны его осознать. Когда я по глупости взял вас, я сделал это из уважения к вашим связям, но ваши связи не принесли мне никакой пользы. Я не получил ни пенни ни от кого из ваших друзей — если они у вас вообще есть. Из вас не выйдет толку ни в делах, ни в чем-либо еще, и чем скорее вы отправитесь в Австралию... — (тут он сделал особое ударение) — ...и уберетесь из этого помещения, тем больше я буду рад.

Я ничего не ответил — просто не мог. К этому моменту он довел себя до белого каления и явно намеревался выставить меня вон сию же минуту. Он отсчитал пять фунтов из своей кассы, выписал квитанцию, пододвинул ее и деньги через стол и велел мне расписаться и немедленно убираться.

Моя рука дрожала так сильно, что я едва мог держать перо, но мне хватило присутствия духа вернуть один фунт десять шиллингов золотом и три шиллинга четыре пенса, которые по счастливой случайности завалились в кармане моего жилета. — Я не могу брать деньги за работу, которую не выполнил, — сказал я настолько спокойно, насколько позволяли обида и гнев. — Хорошего дня. И я вышел из его кабинета к остальным клеркам.

Я забрал из своего стола те немногие вещи, что мне принадлежали, привел в порядок документы, затем, заперев ящик, попросил Партона передать ключ мистеру Фрайеру. — Что стряслось? — спросил он. — Ты уходишь? Я ответил: — Да, уйду. — Получил расчет? — Именно так. — Ну и дела! — воскликнул мистер Партон.

Я не стал дожидаться дальнейших комментариев, а попрощавшись с коллегами, стряхнул прах агентства недвижимости Фримптона со своих ног.

Мне не хотелось идти домой и сообщать об увольнении, поэтому я бесцельно бродил по улицам и в конце концов оказался на Риджент-стрит. Там я встретил своего отца, который выглядел еще более озабоченным, чем обычно. — Как думаешь, Фил, — сказал он (мое полное имя Теофилус), — ты мог бы попросить у своих нанимателей два или три фунта? Сохраняя благоразумное молчание о том, что произошло, я ответил: — Думаю, без сомнения. — Буду тебе очень признателен, мой мальчик, — продолжил он, — нам они сейчас позарез нужны.

Я не стал спрашивать, в чем именно заключалась наша очередная беда. Какой в этом смысл? Всегда находилось что-то: газ, вода, налоги для бедных, счет от мясника, булочника или сапожника.

Впрочем, это не имело большого значения, мы давно привыкли к такой жизни. Но я подумал: «Если я когда-нибудь женюсь, мы будем жить по средствам». И тут же перед моим мысленным взором возник образ Пэтти, моей кузины — самой жизнерадостной, самой красивой, самой полезной и благоразумной девушки, которая когда-либо приносила солнечный свет в дом бедняка.

Мы с отцом к тому времени уже разошлись, и я продолжал бесцельно брести, когда вдруг мне в голову пришла идея. Мистер Фрайер обошелся со мной несправедливо и жестоко. Что ж, я побью его же оружием. Я отправлюсь напрямик к главному лицу и попытаюсь договориться с мистером Кэррисоном напрямую.

Сказано — сделано. Я окликнул проезжавший мимо омнибус и вскоре уже был в самом сердце Сити. Как и ко всякому важному человеку, пробиться к мистеру Кэррисону оказалось непросто — настолько непросто, что клерк, к которому я обратился с просьбой об аудиенции, прямо заявил, что я не смогу его увидеть. Он милостиво добавил, что я могу передать через него сообщение, и оно, несомненно, будет рассмотрено. Я ответил, что не буду ничего передавать, и тогда он спросил, что же я намерен делать. Мой ответ был прост: я намерен ждать, пока не увижу его лично. Мне заявили, что они не потерпят, чтобы посторонние слонялись по конторе.

Я сказал, что могу постоять и на улице. «В конце концов, Кэррисон не владеет тротуаром», — заметил я. Клерк посоветовал мне не играть с огнем, иначе меня могут забрать в полицию. Я ответил, что готов рискнуть.

После этого мы еще долго препирались, и в разгар жаркого спора, к которому любезно присоединились еще несколько «молодых джентльменов» Кэррисона, нас внезапно заставил замолчать серьезного вида мужчина, властно спросивший: — Что здесь за шум?

Прежде чем кто-либо успел ответить, я подал голос: — Я хочу видеть мистера Кэррисона, а они меня не пускают. — А что вам нужно от мистера Кэррисона? — Это я скажу только ему самому. — Очень хорошо, говорите. Я и есть мистер Кэррисон.

На мгновение я смутился и едва не устыдился своей настойчивости, но в следующую секунду мне на выручку пришла та самая «природная дерзость», о которой упоминал мистер

Фрайер. Я сделал шаг вперед и, сняв шляпу, произнес:— Я хотел поговорить с вами о Ладлоу-Холле, сэр, если позволите.

В мгновение ока выражение его лица изменилось: бесстрастность уступила место раздражению, гневная складка меж бровей исказила черты.— Ладлоу-Холл! — повторил он. — Вам есть что сообщить о Ладлоу-Холле?— Именно это я и хотел вам сказать, сэр, — ответил я, и по конторе словно пронеслась мертвая тишина.

Это молчание, видимо, привлекло его внимание, потому что он сурово посмотрел на клерков, которые замерли, не смея шелохнуться.— Пройдите сюда, — отрывисто бросил он, и в следующую минуту я оказался в его личном кабинете.— Ну, в чем дело? — спросил он, бросаясь в кресло и обращаясь ко мне; я стоял со шляпой в руке у большого стола посреди комнаты.

Я начал с самого начала — надо отдать ему должное, слушателем он был терпеливым — и выложил всю историю без утайки. Я ничего не скрыл и ничего не приукрасил. Перед ним стоял уволенный клерк, и в качестве уволенного клерка я изложил то, что должен был сказать. Он дослушал меня до конца, а затем погрузился в раздумья.

Наконец он заговорил.— Полагаю, вы наслушались немало разговоров о Ладлоу? — заметил он.— Нет, сэр. Я слышал только то, о чем вам рассказал.— И почему же вы хотите попытаться разгадать эту тайну?— Если на этом можно заработать, я бы хотел это сделать, сэр.— Сколько вам лет?— В январе исполнилось двадцать два.— И какое жалованье вы получали у Фримптона?— Двадцать фунтов в год.— Гм. Думаю, это больше, чем вы стоите.— Мистер Фрайер тоже так считал, сэр, во всяком случае, — с грустью согласился я.— А вы сами как думаете? — спросил он, улыбнувшись вопреки собственному желанию.— Я думаю, что делал не меньше работы, чем остальные клерки, — ответил я.— Это еще ни о чем не говорит, — заметил он. Я был с ним согласен, но промолчал.— Боюсь, из вас никогда не выйдет толкового клерка, — продолжил мистер Кэррисон, примеряя на меня свои критические оценки, как на манекен. — Вы не любите сидячую работу?— Не очень, сэр.— Думаю, лучшее, что вы могли бы сделать, — это эмигрировать, — сказал он, внимательно разглядывая меня.— Мистер Фрайер советовал мне отправиться в Австралию или... — я осекся, вспомнив альтернативу, предложенную этим джентльменом.— Или куда? — поинтересовался мистер Кэррисон.— К черту, сэр, — пояснил я мягко и извиняющимся тоном.

Он рассмеялся — откинулся в кресле и расхохотался, и я тоже засмеялся, хотя и довольно жалобно. В конце концов, двадцать фунтов есть двадцать фунтов, пусть я и не придавал этому жалованью значения, пока не потерял его.

После этого мы проговорили довольно долго; он расспрашивал меня об отце, о моем детстве, о том, как и где мы живем, с кем общаемся, и задал больше вопросов, чем я могу вспомнить.

— Эта затея кажется безумием, — произнес он наконец, — и все же я склонен вам доверять. Дом стоит совершенно пустой. Жить я там не могу, а избавиться от него не удастся. Всю свою мебель я вывез, и там не осталось ничего, кроме нескольких старомодных вещей, принадлежащих лорду Ладлоу. Это поместье приносит мне одни убытки. Пытаться сдать его кому-то еще бесполезно, и ситуация, по сути, зашла в тупик. Я уверен, что вы ничего не найдете — ведь до вас эту тайну пытались разгадать и другие; но если хотите попробовать, я не против. Я предложу вам вот какую сделку. Если вы готовы отправиться туда, я оплачу ваши разумные расходы за две недели; и если вы добьетесь для меня какого-то результата, я дам вам банкноту в десять фунтов. Разумеется, я должен быть уверен, что рассказанное вами — правда, и что вы тот, за кого себя выдаете. Вы знаете кого-нибудь в Сити, кто мог бы за вас поручиться?

Я не мог вспомнить никого, кроме моего дяди. Я намекнул мистеру Кэррисону, что он, возможно, недостаточно важен или богат, но больше мне не к кому было его направить.— Как! — воскликнул он. — Роберт Дорланд с Каллум-стрит? Он ведет с нами дела. Если он поручится

за ваше хорошее поведение, мне не потребуется никаких иных гарантий. Идемте. И, к моему величайшему изумлению, он встал, надел шляпу, провел меня через внешнюю контору и по улицам прямо до Каллум-стрит.

— Вы знаете этого юношу, мистер Дорланд? — спросил он, остановившись перед конторкой моего дяди и положив руку мне на плечо. — Разумеется, мистер Кэррисон, — ответил дядя с легкой тревогой, ибо, как он признался мне позже, не мог вообразить, в какую переделку я опять влип. — Это мой племянник. — И каково ваше мнение о нем — как вы считаете, могу ли я доверять этому молодому человеку? Дядя улыбнулся и ответил: — Смотря что именно вы собираетесь ему доверить. — Например, длинный столбец цифр для сложения. — Такую задачу безопаснее доверить кому-то другому. — О, дядя! — возмутился я, ведь я действительно изо всех сил пытался побороть свою природную неприязнь к цифрам — работал усердно, превозмогая себя на каждом шагу.

Дядя слез с табурета и, встав спиной к пустому камину, сказал: — Скажите мне, чего вы хотите от мальчика, мистер Кэррисон, и я отвечу, годится он для вашей цели или нет. Думаю, я знаю его лучше, чем он сам.

С непринужденностью, удивительной для столь богатого человека, мистер Кэррисон занял освободившийся табурет и, закинув правую ногу на левое колено, ответил: — Он хочет поехать и закрыть для меня открытую дверь в Ладлоу. Как вы думаете, ему это под силу? Дядя внимательно посмотрел на собеседника и произнес: — Я думал, мистер Кэррисон, уже решено, что закрыть ее не может никто. Мистер Кэррисон слегка заерзал на сиденье и ответил: — Я не ставил перед вашим племянником задачу, за которую он, по его словам, хотел бы взяться. — Не связывайся с этим, Фил, — коротко посоветовал дядя. — Вы ведь не верите в привидения, мистер Дорланд? — с легкой усмешкой спросил мистер Кэррисон. — А вы, мистер Кэррисон? — парировал дядя.

Повисла пауза — неловкая пауза, во время которой я чувствовал, как десять фунтов, которые я в мечтах уже потратил, дрожат на чаше весов. Я не боялся. За десять фунтов, да даже за половину этой суммы, я бы бросил вызов всем обитателям мира духов. Мне очень хотелось им это заявить, но что-то в том, как эти двое смотрели друг на друга, заставило меня прикусить язык.

— Если вы зададите мне этот вопрос здесь, в самом сердце лондонского Сити, мистер Дорланд, — медленно и осторожно произнес наконец мистер Кэррисон, — я отвечу «Нет»; но если бы вы спросили меня об этом темной ночью в Ладлоу, я бы попросил время на размышление. Я не верю в сверхъестественные явления, и все же... дверь в Ладлоу так же непостижима для меня, как приливы и отливы моря. — И вы не можете жить в Ладлоу? — заметил дядя. — Я не могу жить в Ладлоу, и, что более важно, не могу заставить никого другого жить там. — И вы хотите избавиться от аренды? — Я настолько хочу от нее избавиться, что пообещал Фрайеру солидную сумму, если он сможет найти кого-то, кто разгадает эту тайну. У вас есть еще какие-нибудь вопросы, мистер Дорланд? Если да, то только спросите, и получите ответ. У меня такое чувство, будто я нахожусь не в прозаической лондонской конторе, а во Дворце Истины.

Мой дядя пропустил скрытый комплимент мимо ушей. Хороший товар сам себя хвалит. Человек, привыкший к честности в мыслях и речах, не нуждается в признании этого факта. — Пожалуй, нет, — ответил он. — Пусть мальчик сам решает, что ему делать. Если он послушает моего совета, то вернется к своей обычной работе в конторе нанимателей и оставит в покое охоту за привидениями. Мистер Кэррисон бросил быстрый взгляд в мою сторону — взгляд, который предполагал тайное взаимопонимание и мог бы повлиять на дядю, будь я способен опуститься до обмана. — Я больше не могу вернуться к своей работе, — сказал я. — Сегодня я получил расчет. — Что ты натворил, Фил? — спросил дядя. — Я попросил десять фунтов, чтобы поехать изгнать призрака! — ответил я так уныло, что и мистер Кэррисон, и мой дядя расхохотались. — Десять фунтов! — воскликнул дядя, почти смеясь и плача одновременно. —

Да уж, Фил, мальчик мой, хоть я и небогат, но лучше бы я сам дал тебе десять фунтов, лишь бы ты не совался в эту охоту за духами.

Когда дядя сильно волновался, он переходил на просторечный говор родных мест. Мне нравилось это просторечие, как называла его моя мать, и я знал, что моя тетушка тоже любила, когда он обращался к ней с такой лаской. Он был, конечно, не совсем из низов, но если на свет и рождался когда-либо истинный джентльмен, так это был Роберт Дорланд, на которого все в нашем доме смотрели свысока.

— Что же вы решите, Эдлид? — спросил мистер Кэррисон. — Вы слышали, что советует ваш дядя: «Откажись от этой затеи», и что предлагаю я. Я не хочу ни подкупать вас, ни принуждать. — Я поеду, сэр, — ответил я совершенно твердо. — Я не боюсь и хочу доказать вам... — я осекся. Я чуть было не сказал: «Хочу доказать вам, что я не такой дурак, каким вы все меня считаете», но понял, что это прозвучало бы слишком фамильярно, и сдержался.

Мистер Кэррисон с любопытством посмотрел на меня. Думаю, он сам закончил предложение в уме, но ответил лишь: — Я бы хотел, чтобы вы доказали мне, что эта дверь надежно заперта; во всяком случае, если вы сможете пробыть в доме в одиночестве две недели, вы получите свои деньги. — Мне это не нравится, Фил, — сказал дядя. — Мне совсем не нравится эта блажь. — Мне жаль это слышать, дядя, — ответил я, — потому что я твердо намерен ехать. — Когда? — спросил мистер Кэррисон. — Завтра утром, — ответил я. — Дайте ему пять фунтов, Дорланд, пожалуйста, а я пришлю вам чек. Вы отчитаетесь передо мной за эту сумму, вы понимаете, — добавил мистер Кэррисон, обращаясь ко мне. — Одного совершена будет вполне достаточно, — сказал я. — Вы возьмете пять фунтов и отчитаетесь за них, — твердо повторил мистер Кэррисон. — Кроме того, вы будете писать мне каждый день на мой домашний адрес, и если в какой-то момент почувствуете, что это вам не по силам, — бросайте это дело. Доброго дня! И, не утруждая себя долгими прощаниями, он удалился.

— Полагаю, отговаривать тебя бесполезно, Фил? — сказал дядя. — Боюсь, что так, — ответил я. — Ты ведь ничего не скажешь домашним? — Вряд ли я с кем-нибудь из них встречу, верно? — ответил он без тени горечи — просто констатируя факт. — Наверное, мы больше не увидимся до моего отъезда, — сказал я, — так что я попрощаюсь с тобой сейчас. — Прощай, мой мальчик. Хотел бы я видеть тебя чуть более благоразумным и серьезным.

Я ничего не ответил; у меня на сердце, да и на глазах, было тяжело. Я старался, но конторская работа была не для меня, и я понимал, что просить меня сидеть на табурете и корпеть над бумагами и цифрами — так же бессмысленно, как ждать от человека, лишённого музыкального слуха, сочинения оперы.

Разумеется, я пошел напрямик к Пэтти. Хотя мы тогда еще не были женаты и порой мне казалось, что мы не поженимся никогда, она уже тогда была моей лучшей половиной — так же, как и сейчас. Она не стала поливать мою затею холодной водой, не стала меня отговаривать. С лицом, горящим от волнения, она сказала лишь: «Фил, как бы мне хотелось поехать с тобой!» Видит Бог, мне тоже этого хотелось.

На следующее утро я встал ни свет ни заря. Накануне вечером я сказал родным, что уезжаю из города по делам. Мы с Пэтти обсудили весь план в деталях. Я должен был позавтракать и переодеться у ее отца, так как решил отправиться в Ладлоу в своей волонтерской форме добровольческого корпуса. Это был вопрос, по которому мы с моим бедным отцом никогда не могли сойтись: он называл службу в волонтерах детской забавой (и другими, не менее обидными словами), а мой брат — по моему мнению, обычный паркетный вояка — никогда не упускал случая высмеять этот корпус и поиздеваться над моими представлениями о том, что я «солдат».

Как я уже сказал, мы с Пэтти всё обдумали, и я решил переодеться в доме ее отца. Один мой знакомый выиграл в лотерею револьвер и охотно одолжил его мне. С ним и со своей винтовкой я чувствовал, что способен одолеть целую армию.

Был чудесный день, когда я зашагал по тенистым аллеям в самом сердце Медоушира. Я любил деревню всеми фибрами души, а в то время она предстала передо мной во всей своей красе: трава, готовая к сенокосу, наливающиеся колосья, журчащие ручьи, сонные реки, старые сады, причудливые коттеджи. «О, если бы мне никогда не пришлось возвращаться в Лондон!» — подумал я, ибо принадлежу к тем немногим оставшимся на земле людям, которые любят деревню и ненавидят города.

Я шел вперед; я прошел долгий путь и, засомневавшись в правильности дороги, спросил путь к Ладлоу-Холлу у джентльмена, неспешно ехавшего на мощном чалом коне под сводами деревьев. Его сопровождала молодая леди на коренастом белом пони. — Ладлоу-Холл — вон там, — ответил он, указывая хлыстом поверх изгороди по левую руку от меня. Я поблагодарил его и уже собирался идти дальше, когда он добавил: — Сейчас там никто не живет. — Мне это известно, — ответил я.

Он больше ничего не сказал, лишь вежливо пожелал мне доброго дня и уехал. Молодая леди кивнула в ответ на приподнятую мной кепку и приветливо улыбнулась. В целом я остался доволен — мелочи всегда приносили мне радость. Это было хорошее начало — уже половина успеха!

Добравшись до сторожки, я показал письмо мистера Кэррисона женщине-привратнице и получил ключ. — Вы ведь не собираетесь оставаться в Холле совсем один, сэр? — спросила она. — Именно это я и собираюсь сделать, — ответил я столь безапелляционно, что она больше не проронила ни слова.

Аллея вела прямо к дому; она шла в гору и была обсажена рядами самых великолепных лип, какие я когда-либо видел. Легкая железная ограда отделяла аллею от парка, и сквозь стволы деревьев я мог видеть пасущихся оленей и стада коров. Время от времени до моего слуха доносилось позвякивание овечьего колокольчика. Аллея была длинной, но в конце концов я оказался перед фасадом Холла — квадратного, массивного на вид дома старомодной постройки, в три этажа, без цоколя; к главному входу вел пролет ступеней; четыре окна справа от двери, четыре окна слева. Все здание было окружено и подперто деревьями; все жалюзи опущены, над местом висела мертвая тишина; солнце клонилось к закату за могучими деревьями, усеивавшими парк.

Я подмечал всё это, пока приближался, и потом, когда на мгновение задержался под просторным портиком. Затем, вспомнив о деле, которое привело меня в такую даль, я вставил массивный ключ в замок, повернул ручку и вошел в Ладлоу-Холл.

На минуту, когда я шагнул из яркого солнечного света, место показалось мне таким темным, что я едва мог различить окружающие предметы. Но вскоре глаза привыкли к полумраку, и я обнаружил, что нахожусь в огромном холле с верхним светом; на верхние этажи вела великолепная старинная дубовая лестница. Пол был вымощен черным и белым мрамором. Здесь было два камина с каминными быками для дров; по стенам висели картины, олени и лосиные рога, а в нишах и углах стояли скульптурные группы и фигуры людей в полных рыцарских доспехах.

Глядя на дом снаружи, никто бы не ожидал увидеть такой холл. Я стоял, потерявшись в изумлении и восхищении, а затем начал более внимательно осматриваться по сторонам. Двери, двери, двери... Никогда прежде я не видел столько дверей в одном месте. Две из них были открыты — одна настежь, другая слегка приоткрыта. «Для начала я их закрою, — подумал я, — прежде чем подняться наверх». Двери были дубовые, тяжелые, плотно пригнанные, снабженные хорошими замками и прочными ручками. Закрыв их, я проверил ручки. Да, они заперлись надежно.

Я поднялся по парадной лестнице, чувствуя себя до странности чужаком-самозванцем, прошелся по коридорам, заглянул во множество спален — некоторые были совершенно пусты, в других оставалась мебель старинного образца, несомненно, весьма ценная: стулья, антиквар-

ные туалетные столики, причудливые платяные шкафы и тому подобное. В основном двери были закрыты, и я затворял те, что стояли настежь, прежде чем пробраться на чердак.

Чердак привел меня в полный восторг. Окна, освещавшие его, как правило, не выходили на главный фасад Холла, а открывали широкие виды на леса, долины и луга. Высунувшись из одного окна, я увидел, что справа от дома густо засаженный деревьями склон спускается к ручью, который выходил на дневной свет чуть дальше за рощей и прихотливо извивался по оленьему парку. С задней стороны Холла окна выходили только на густой лес и часть конного двора, тогда как с той стороны, откуда я пришел, раскинулись просторные сады, огороженные густыми тисовыми изгородями, и огороды, защищенные высокими стенами; еще дальше виднелся скотный двор, где я мог различить коров и волов, а вдали — тучные луга и поля, радующие глаз колосающейся пшеницей.

— Какое прекрасное место! — сказал я. — Кэррисон, должно быть, полный простофиля, раз покинул его. А потом я подумал о том, какой это огромный, неповоротливый дом, чтобы находиться в нем совершенно одному. Я, вероятно, разгорячился от долгой ходьбы, поэтому почувствовал озноб, когда убрал голову из последнего слухового окна и приготовился спуститься вниз.

На чердаке, как и в других частях дома, которые я успел исследовать, я закрывал двери; если в замках были ключи — запирали их, если нет — проверял, плотно ли они прилегают, и в любом случае оставлял их надежно запертыми.

Когда я спустился на первый этаж, вечер уже быстро вступал в свои права, и я понял, что если хочу осмотреть весь дом до наступления темноты, мне нужно поторапливаться. «Теперь осмотрю кухни», — решил я и пробрался в лабиринт хозяйственных помещений, располагавшихся позади огромного холла. Каменные коридоры, огромные кухни, необъятная людская, кладовые, буфетные, угольные подвалы, пивные погреба, прачечные, пивоварня, комната экономки — не было смысла задерживаться на этих деталях. Тайна, которая так беспокоила мистера Кэррисона, вряд ли могла обитать среди золы и пустых бутылок, а больше в этой части здания смотреть было не на что.

Я решил пройтись по жилым комнатам и выбрать, какие помещения займу сам. Вечерние тени стремительно удлинялись, поэтому я поспешил обратно в холл, чувствуя, что это довольно жутковато — находиться здесь в одиночестве, среди этих призрачных пустых рыцарских доспехов и статуй, на которые так холодно будут падать лунные лучи. Я только осмотрю комнаты первого этажа, а затем разведу огонь. Я видел поблизости шкаф с большим запасом дров и чувствовал, что у пылающего очага, выпив хорошую чашку чая, я уже не буду так остро ощущать то гнетущее чувство одиночества, которое начало мною овладевать.

К этому времени солнце уже скрылось за горизонтом, так как, чтобы добраться до Ладлоу, мне пришлось ехать с пересадками и ждать поездов, которые снисходили до перевозки пассажиров третьего класса. Однако в холле было еще достаточно светло, чтобы отчетливо видеть все предметы. И собственными глазами я увидел, что одна из дверей, которую я закрыл своими собственными руками, распахнута настежь!

Я повернулся к двери на другой стороне холла. Она оставалась такой, какой я ее оставил — закрытой. Значит, это была та самая комната — комната с открытой дверью. На секунду я замер в ужасе; признаюсь, я не на шутку струхнул. Впрочем, это длилось недолго. Передо мной была работа, за которую я взялся, враг, с которым вызвался сразиться; поэтому без лишних церемоний я закрыл дверь и подергал ручку. «Теперь дойду до конца холла и посмотрю, что произойдет», — подумал я. Так я и сделал. Я дошел до подножия парадной лестницы, вернулся и посмотрел. Дверь была распахнута настежь.

Преодолев минутную нерешительность, я вошел в комнату и поднял жалюзи. Это было довольно большое помещение, двадцать на двадцать футов (я знаю это, потому что позже измерил его шагами), освещаемое двумя высокими окнами. Пол из полированного дуба был

частично застлан турецким ковром. По обе стороны от камина располагались две ниши: в одной стоял книжный шкаф, в другой — старинный кабинет тонкой работы. Я также с удивлением обнаружил здесь кровать, хотя комната была проходной и не слишком подходила для спальни; там же стояло несколько стульев устаревшего образца, обитых, насколько я мог судить, выцветшим гобеленом. Рядом с кроватью, стоявшей у стены напротив входа, я заметил еще одну дверь. Она была заперта на ключ — первая и единственная запертая дверь из всех, что мне пока встретились внутри дома. Это была мрачная, тоскливая комната: темные панели на стенах; блестящий черный пол; высоко поднятые окна; антикварная мебель; унылая кровать с балдахином и пыльными бархатными шторами; зияющая пасть камина; шелковое покрывало, больше похожее на саван.

«В такой комнате могло быть совершено любое преступление», — раздраженно подумал я и критически осмотрел дверь. Кто-то уже взял на себя труд установить на нее засовы, потому что, выходя, я не просто надежно закрыл дверь, но и задвинул засов. «Пойду принесу дров, а потом взгляну на нее еще раз», — сказал я сам себе. Когда я вернулся, она снова была распахнута настежь. — Ну и стой открытой! — в ярости крикнул я. — Больше я с тобой сегодня возиться не собираюсь!

Едва я произнес эти слова, как в парадную дверь позвонили. Раскатившийся по пустынному дому звон, учитывая тогдашнее состояние моих нервов, напугал меня до невозможности. Это оказался всего лишь возчик, который согласился привезти мой багаж. Я велел ему оставить вещи в холле и, отсчитывая мелочь, спросил, где находится ближайшее почтовое отделение. Недалеко от ворот парка, ответил он; если мне нужно отправить письмо, он может бросить его в ящик — почтовая карета забирает почту в десять часов.

Мне пока нечего было отправлять, о чем я ему и сообщил. Возможно, плата, которую я ему дал, превзошла его ожидания, или, может быть, мрачность этого места произвела на него такое же впечатление, как и на меня, но он задержался, положив руку на ручку двери, и спросил: — Вы что, собираетесь остаться здесь совсем один, хозяин? — Совсем один, — ответил я с такой бодростью, какая только была возможна при данных обстоятельствах. — Это та самая комната, знаете ли, — сказал он, кивнув в сторону открытой двери и понизив голос до шепота. — Да, я знаю, — ответил я. — Что, уже пытались ее закрыть? Ну, вы и смельчак! И с этим комплиментом, пусть и не слишком почтительным, он поспешил покинуть дом. Очевидно, он не собирался предлагать свои услуги в разгадке этой тайны.

Я бросил еще один взгляд на дверь — она была открыта настежь. Сквозь окна, которые я оставил не зашторенными, начинал литься холодный серебристый лунный свет. Прежде чем заняться чем-либо другим, я понял, что должен написать мистеру Кэррисону и Пэтти. Поэтому я прямоком направился к одному из больших столов в холле и, зажегши свечу, которой меня запасливо снабдила моя заботливая невеста вместе с множеством других вещей, сел и набросал два послания.

Затем я зашагал по длинной аллее с ее таинственной игрой света и тени, с лунными лучами, мерцавшими то здесь, то там, играющими в прятки вокруг стволов деревьев и сквозь кружево дрожащих листьев и ветвей. Я шел так быстро, словно участвовал в гонке на время. Было восхитительно — аромат летних запахов, запах земли; если бы не эта дверь, я чувствовал бы себя слишком счастливым. А так... «Смотри, Фил, — внезапно сказал я себе, — жизнь — не детская забава, как справедливо замечает дядя. Эта дверь — та самая преграда, с которой тебе предстоит столкнуться лицом к лицу, и ты должен ее преодолеть! Если бы не она, тебя бы здесь не было. Надеюсь, ты не собираешься струсить в самую первую ночь. Смелость! Вот твой истинный враг, победи его». «Я попытаюсь, — ответило мое второе "я". — Я могу лишь попытаться. В худшем случае я потерплю неудачу».

Почта находилась в Лощине Ладлоу — крошечной деревушке, через которую быстрым потоком протекал тот самый ручей, который я видел праздно текущим через парк. Через него

был перекинут древний каменный мост. Когда я стоял у дверей маленькой лавки, расспрашивая почтмейстершу, мимо пешком прошел тот самый джентльмен, которого я встретил днем на чалом коне. Проходя мимо, он пожелал мне доброго вечера и фамильярно кивнул моей собеседнице, которая ответила глубоким реверансом. — Его светлость быстро стареет, — заметила она, провожая удаляющуюся фигуру взглядом. — Его светлость? — переспросил я, озадаченный. — О ком вы говорите? — О лорде Ладлоу, — ответила она. — О! Я никогда его не видел, — сказал я. — Да ведь это и был лорд Ладлоу! — воскликнула женщина.

Можете быть уверены, на обратном пути в Холл мне было о чем поразмыслить — о чем-то помимо лунного света, сладких ночных запахов и шороха зверей, птиц и листьев, которые делают тишину вдали от города более красноречивой, чем любой шум. Лорд Ладлоу! Подумать только, я считал, что он находится за сотни, тысячи миль отсюда; и вот он здесь — идет пешком в противоположном от своего дома направлении, а я поселился в его покинутом жилище.

Стой! Что это было? Я услышал шум в кустарнике неподалеку и в мгновение ока бросился в гущу зарослей. Что-то метнулось прочь и скрылось под покровом дальней рощи. Я бросился вдогонку, но так и не смог разглядеть, кто или что это было. Я недостаточно хорошо знал местность, чтобы преследование увенчалось успехом, и в конце концов мне пришлось сдаться — разгоряченному, сбитому с толку и раздосадованному.

Когда я вернулся в дом, лунные лучи заливали холл; я отчетливо видел каждую статую, каждый квадрат мрамора, каждые доспехи. Все это казалось мне чем-то из сна; но я устал, хотел спать и решил, что не буду беспокоиться ни об огне, ни о еде, ни об открытой двери до следующего утра. Я отправляюсь спать.

С этим намерением я подхватил часть своих вещей и отнес их в небольшую и вполне пригодную для жизни комнату на втором этаже, которую выбрал ранее. Затем я спустился за остальным багажом и на этот раз случайно задел рукой свою винтовку. Она была мокрой. Я коснулся пола — он тоже был мокрым.

Я никогда не испытывал ничего подобного той волне восторга, которая пронзила меня в этот миг. Мне предстояло иметь дело с плотью и кровью, и я с этим справлюсь, видит Бог.

Следующее утро выдалось ясным и солнечным. Я встал с первыми жаворонками, умылся, оделся, позавтракал и успел исследовать дом до того, как пришел почтальон с письмами. Одно от мистера Кэррисона, одно от Пэтти и одно от дяди. Я дал почтальону полкроны — так я был обрадован — и сказал, что боюсь, мое присутствие в Холле доставит ему лишние хлопоты. — Нет, сэр, — ответил он, рассыпаясь в благодарностях, — я прохожу здесь каждое утро по пути к ее светлости. — Кто такая ее светлость? — спросил я. — Вдовствующая леди Ладлоу, — ответил он. — Вдова старого лорда. — И где же ее поместье? — продолжал допытываться я. — Если вы пойдете через кустарник и мимо водопада, то примерно в четверти мили выше по течению выйдете к ее дому.

Он ушел, сообщив, что почта приходит только раз в день; а я поспешил обратно в комнату, где завтракал, унося с собой письма. Первым я вскрыл письмо от мистера Кэррисона. Суть его сводилась к следующему: «Не жалейте средств; если закончатся деньги — телеграфируйте». Затем я открыл письмо дяди. Он умолял меня вернуться; писал, что всегда считал меня ветреным, но питает ко мне глубокую привязанность и может устроить меня на хорошее место, если я только попытаюсь остепениться и пообещаю серьезно относиться к работе. Последним было письмо от Пэтти. О, Пэтти, благослови тебя Господь! Именно таких женщин, я полагаю, знали и любили мужчины, которые доблестнее всех сражаются в бою, последними покидают тонущий корабль, тверды в жизненных испытаниях и стойко сопротивляются искушениям. Больше я ничего не могу рассказать об этом письме, кроме того, что оно дало мне силы дойти до конца.

Всю первую половину дня я провел, изучая дверь. Я разглядывал ее изнутри и снаружи. Я изучал ее критически. Я пытался найти хоть какую-то причину, по которой она могла бы

распахиваться, и обнаружил, что пока я остаюсь на пороге, она закрыта; но стоило мне отойти хотя бы на противоположную сторону холла — она распахивалась настежь. Что бы я ни делал, она вырывалась из защелки и засова. Я не мог запереть ее на ключ, потому что ключа не было.

Словом, к двум часам дня я вынужден был признать свое полное поражение.

В два часа явился посетитель — не кто иной, как сам лорд Ладлоу. Я очень хотел отвести его лошадь в конюшню, но он и слышать об этом не желал. — Пройдитесь со мной по парку, если будете столь любезны, — сказал он. — Я хочу с вами поговорить. Мы пошли через парк, и прежде чем мы расстались, я почувствовал, что готов пройти сквозь огонь и воду ради этого простого в общении аристократа.

— Вы не должны оставаться здесь в неведении относительно тех слухов, что ходят в округе, — сказал он. — Разумеется, когда я сдавал дом мистеру Кэррисону, я ничего не знал об открытой двери. — Не знали, сэр? То есть, милорд, я хотел сказать... — запнулся я. Он улыбнулся. — Не утруждайте себя титулом, который, по правде говоря, не несет за собой ничего, кроме пустой помпы. Говорите со мной как с другом. Я и понятия не имел, что с Холлом связана история о привидениях, иначе я бы оставил его пустовать. Я не совсем понимал, что на это ответить, поэтому промолчал. — А как вышло, что вас прислали сюда? — спросил он после паузы.

Я рассказал ему всё. Когда мой первый шок прошел, то лорд показался мне не таким уж отличным от любого другого человека. Если бы император совершал утреннюю прогулку по парку и был бы столь же приветлив, я, вероятно, говорил бы с ним так же фамильярно, как с лордом Ладлоу. Моя мать всегда говорила, что у меня совершенно отсутствует чувство благоговения! Начав с самого начала, я повторил всю историю, от реплики Партона про соверен до разговора мистера Кэррисона с моим дядей. Однако, оставив в своем рассказе Лондон позади и добравшись до Холла, я стал несколько более сдержанным. В конце концов, это был его Холл, в котором люди не могли жить, его дверь, которая не желала закрываться; и мне казалось, что ему может быть неприятно слушать, как эти факты настойчиво привлекают к себе внимание.

Но он хотел знать всё. Что я видел? Что я об этом думаю? Я честно признался, что не знаю, что и сказать. Дверь действительно не желала оставаться закрытой, и этому упорному распахованию, казалось, не было человеческого объяснения; но, с другой стороны, призраки обычно не возятся с огнестрельным оружием, а кто-то явно трогал мою винтовку, хоть она и не была заряжена — в этом я был уверен. Мой спутник внимательно выслушал. — Вы не напуганы? — спросил он наконец. — Теперь нет, — ответил я. — Вчера вечером дверь меня действительно встревожила, но я перестал ее бояться с тех пор, как понял, что кто-то другой боится пули. С минуту он молчал, а затем произнес: — Теория об открытой двери, которую выстроили люди, такова: поскольку в этой комнате был убит мой дядя, говорят, что дверь никогда не закроется, пока не будет найден убийца. — Убит?! Мне совершенно не понравилось это слово; от него повеяло холодом и дискомфортом. — Да — его убили, когда он сидел в своем кресле, и убийца так и не был найден. Поначалу многие склонялись к мысли, что его убил я; и, признаться, многие считают так до сих пор. — Но вы ведь этого не делали, сэр? В этой истории нет ни слова правды, верно?

Он положил руку мне на плечо и сказал: — Нет, мой мальчик, ни единого слова. Я нежно любил старика. Даже когда он лишил меня наследства ради своей молодой жены, я огорчился, но не разозлился. А когда он послал за мной и заверил, что решил исправить эту несправедливость, я пытался убедить его оставить леди приличную сумму в дополнение к ее вдовьей доле. «Если вы этого не сделаете, люди могут подумать, что она не принесла вам того счастья, на которое вы рассчитывали», — добавил я. «Спасибо, Хэл, — ответил он. — Ты славный малый; мы поговорим об этом подробнее завтра». И с этими словами он пожелал мне спокойной ночи.

— До рассвета — дело было летом два года назад — домочадцев разбудил ужасный крик. Это был его предсмертный вопль. Ему нанесли удар ножом в шею сзади. Он сидел в кресле и

писал — писал письмо мне. Если бы не это, мне было бы куда сложнее оправдаться, чем оказалось на самом деле; ведь его адвокаты выступили вперед и заявили, что всего три дня назад он подписал завещание, оставляя всё свое личное имущество мне — а он был очень богат — безо всяких условий. Это, разумеется, и послужило мотивом, как выразился адвокат леди Ладлоу. Она была очень мстительной, не жалела средств, пытаясь доказать мою вину, и открыто заявляла, что не успокоится, пока не добьется справедливости, даже если это будет стоить ей всего состояния. Она утверждала, что письмо, лежавшее перед убитым и забрызганное кровью, было подброшено на стол мной; однако коронер усмотрел в этом предубеждение, так как в нескольких первых строках письма дядя заявлял о своем желании доверить мне причины изменения завещания — причины, которые, по его словам, затрагивали его честь и разрушили его покой. «В заявлении, которое вы найдете запечатанным вместе с моим завещанием в...» — на этом месте ему и был нанесен смертельный удар.

Бумаги так и не были найдены, а завещание не было утверждено. Миледи представила прежнее завещание, по которому всё отходило ей. Как бы мне ни было не по карману судиться, я был вынужден оспорить это дело, и юристы занимаются им до сих пор, и, вероятно, будут заниматься еще долгие годы. Когда я лишился своего доброго имени, я лишился и здоровья, и мне пришлось уехать за границу. Пока я был в отъезде, мистер Кэррисон снял Холл. До своего возвращения я ни слова не слышал об открытой двери. Мой адвокат говорил, что мистер Кэррисон ведет себя неподобающе; но теперь, думаю, я должен встретиться с ними или с ним и решить, что можно сделать.

Что же касается вас, для меня жизненно важно, чтобы эта тайна была раскрыта, и если вы действительно не из робкого десятка, оставайтесь. Я слишком беден, чтобы раздавать опрометчивые обещания, но вы не найдете меня неблагодарным. — О, милорд! — воскликнул я; это обращение слетело с моего языка совершенно легко и естественно. — Мне не нужно больше денег или чего-то еще, если я только смогу доказать отцу Пэтти, что я на что-то годен... — Кто такая Пэтти? — спросил он. Он прочел ответ на моем лице, потому что больше ничего не сказал. — Не хотите ли взять хорошую собаку для компании? — поинтересовался он после паузы. Я заколебался; затем ответил: — Нет, спасибо. Я предпочитаю наблюдать и охотиться сам.

И, произнося эти слова, я вспомнил о том «чем-то» в кустарнике и сказал ему, что, по моему мнению, прошлым вечером вокруг дома кто-то бродил. — Браконьеры, — предположил он, но я покачал головой. — Девушка или женщина, я полагаю. В любом случае, думаю, собака будет мне только мешать.

Он ушел, а я вернулся в дом. Я не выходил из него весь день. Ни в сад, ни на конный двор, ни в кустарник, никуда; я посвятил себя исключительно и безраздельно этой двери. Если я закрывал ее один раз, я закрывал ее сотню раз, и всегда с одним и тем же результатом. Что бы я ни делал, она распахивалась. Но никогда — когда я смотрел на нее. Пока я мог выдержать и не отводить взгляд, она оставалась закрытой; но стоило мне отвернуться — она открывалась.

Около четырех часов у меня появился еще один гость, точнее гостья; не кто иная, как дочь лорда Ладлоу — достойная Беатрис, ехавшая верхом на своем забавном маленьком белом пони. Ей было лет пятнадцать, она была прекрасна, и у нее была самая очаровательная улыбка из всех, что вы когда-либо видели. — Папа прислал меня с этим, — сказала она. — Он не захотел доверять это никакому другому посыльному. И она вложила мне в руку клочок бумаги. «Держите еду под замком; покупайте то, что вам нужно, сами. Воду берите из насоса на конном дворе. Я уезжаю из дома; но если вам что-нибудь понадобится, идите или пошлите к моей дочери».

— Будет какой-нибудь ответ? — спросила она, похлопывая пони по шее. — Передайте его светлости, пожалуйста, что я «буду держать порох сухим»! — ответил я. — Вы сделали папу таким счастливым, — сказала она, продолжая похлопывать удачливого пони. — Если это в

моих силах, я сделаю его еще счастливее, мисс... — я замялся, не зная, как к ней обратиться. — Называйте меня Беатрис, — сказала она с чарующей грацией, а затем лукаво добавила: — Папа обещает, что вскоре познакомит меня с Пэтти. И прежде чем я успел оправиться от изумления, она натянула поводья и повернула через парк. — Одну минуту, пожалуйста! — крикнул я. — Вы можете кое-что для меня сделать. — Что именно? — она вернулась, рыся по широкой подъездной аллее перед домом. — Одолжите мне вашего пони на минуту. Она спрыгнула на землю прежде, чем я успел предложить ей помощь — спрыгнула, ловко подхватив одной рукой амазонку, а другой ведя покладистую старую овечку вперед. Я взял поводья — с лошадьми я чувствовал себя в своей стихии — погладил пони, потрепал его за уши и позволил ткнуться носом мне в руку.

(Мисс Беатрис теперь графиня, счастливая жена и мать; но я иногда с ней вижусь, и на днях она осторожно отвела меня в оранжерею и спросила: — Вы помните Тодди, мистер Эдлид? — Помню ли я его! — воскликнул я. — Я никогда его не забуду! — Он умер! — сказала она, и в ее прекрасных глазах стояли слезы. — Мистер Эдлид, я так любила Тодди!)

Так вот, я подвел Тодди к дому, прямо под третье окно справа. Он был покладистым созданием и позволил мне встать на седло, пока я заглядывал в единственную комнату в Ладлоу-Холле, в которую не смог проникнуть. Она была совершенно лишена мебели, в ней не было ни единой вещи — ни стула, ни стола, ни картины на стенах, ни украшения на каминной полке. — Там спал камердинер моего двоюродного деда, — сказала мисс Беатрис. — Именно он первым прибежал к нему на помощь в ночь убийства. — А где сейчас камердинер? — спросил я. — Мертв, — ответила она. — Шок убил его. Он любил своего хозяина больше жизни.

Я увидел все, что хотел, и спрыгнул с седла, предварительно тщательно смахнув с него пыль веткой, сорванной с куста сирени. Полушутя, полусерьезно я прижался губами к краю амазонки мисс Беатрис, поправляя ее складки; смотрел, как она помахала мне рукой, переходя в легкий галоп через парк; а затем снова повернулся к одинокому дому с решимостью разгадать скрытую в нем тайну или умереть, пытаясь это сделать.

Уж не знаю почему, но перед тем как лечь спать в ту ночь, я изо всех сил всадил сверлобуравчик, найденный на конюшне, в пол и сказал двери: — Теперь я держу тебя открытой.

Когда я спустился утром, дверь была плотно закрыта, а ручка буравчика, отломанная под корень, лежала в холле. Я поднес руку ко лбу — он был мокрым от пота. Я совершенно не понимал, что происходит в этом месте! Я вышел на свежий воздух на несколько минут; когда вернулся, дверь снова стояла нараспашку.

Если я начну подробно описывать последовавшие дни и ночи, то утомлю читателя. Скажу лишь, что они изменили мою жизнь. Одиночество, торжественность, тайна произвели эффект, который я не берусь объяснить, но о котором не могу сожалеть. Я колебался, стоит ли писать о развязке, но она должна наступить, так что позвольте мне перейти к ней.

Хотя я был убежден, что никакая человеческая сила не может и не удерживает дверь открытой, я также был уверен, что некий живой человек имеет доступ в дом, который я не мог обнаружить. Это проявлялось в мелочах, которые могли бы остаться незамеченными, если бы в особняке жило несколько человек или даже двое, но в моем одиноком положении их было невозможно проигнорировать. Например, стул оказывался сдвинут с места; на пыльном полу виднелся след; я обнаруживал, что мои бумаги перебирали; одежду трогали, а также письма, которые я носил с собой, а на ночь прятал под подушку. Факт оставался фактом: пока я ходил на почту или пока спал, кто-то бродил по дому. По возвращении лорда Ладлоу я намеревался попросить у него дополнительных подробностей о смерти его дяди и уже собирался написать мистеру Кэррисону с просьбой разрешить мне взломать дверь комнаты, где спал камердинер, как вдруг однажды, очень рано утром, я заметил шпильку для волос, лежащую прямо возле нее.

Каким же идиотом я был! Если я хотел разгадать тайну открытой двери, разумеется, мне следовало вести наблюдение в самой комнате. Дверь не стояла бы настежь, если бы на то не

было причины, и шпилька уж точно не могла попасть в дом без посторонней помощи. Я решил, что мне делать: я пойду на почту пораньше, а затем займу свой пост примерно в то время, когда обычно отправлялся в Лошину Ладлоу. Я чувствовал, что стою на пороге открытия, и жаждал, чтобы день поскорее прошел и наступила ночь.

Утро выдалось чудесным; погода была превосходной всю неделю, и я распахнул парадную дверь настежь, чтобы впустить солнечный свет и легкий ветерок. Сделав это, я увидел на верхней ступеньке корзину, наполненную редкими и прекрасными фруктами и цветами. Мистер Кэррисон сдал сады, прилегающие к Ладлоу-Холлу, в аренду на сезон — он сказал, что мог бы хоть что-то спасти из огня, поэтому мой рацион не отличался подобными деликатесами. В те дни я очень любил фрукты, и, увидев карточку со своим именем, тут же выбрал аппетитный персик и съел его, возможно, немного жадно.

Не успел я проглотить последний кусок, как мне вспомнилось предупреждение лорда Ладлоу. У фрукта был странный привкус — на небе остался какой-то специфический осадок. На мгновение небо, деревья и парк поплыли у меня перед глазами; затем я понял, что нужно делать. Я понюхал остальные фрукты — от них исходил тот же слабый запах; затем я сунул несколько штук в карман, взял корзину и запер ее, после чего пошел на скотный двор, попросил одолжить мне лошадь, которую обычно запрягали в легкую двуколку, и менее чем через полчаса уже спрашивал в Ладлоу, как найти врача.

Раздосадованный столь ранним визитом, он сначала отнесся к моей идее пренебрежительно, но я заставил его разрезать грушу и убедиться, что фрукты действительно отравлены. — Хорошо, что вы остановились на первом персике, — заметил он, дав мне микстуру и еще немного лекарства с собой, а также посоветовав как можно больше бывать на свежем воздухе. — Я бы хотел оставить эти фрукты у себя и осмотреть вас завтра. Мы тогда и не думали, сколько еще таких «завтра» нам предстоит видаться!

По пути в Ладлоу почтальон передал мне три письма, но я прочел их только тогда, когда сел под большим деревом в парке с миской молока и куском хлеба. До сих пор в моей корреспонденции не было ничего захватывающего. Письма Пэтти всегда были восхитительны, но их нельзя было назвать сенсационными; а в посланиях мистера Кэррисона было однообразие, которое начало меня утомлять. Однако на этот раз жаловаться не приходилось. Содержание его письма меня сильно удивило. Он писал, что лорд Ладлоу освободил его от сделки, и что поэтому я могу покинуть Холл немедленно. Он вложил десять фунтов, сказал, что подумает, как лучше всего поспособствовать моим интересам, и посоветовал зайти к нему домой по возвращении в Лондон.

«Не думаю, что покину Ладлоу прямо сейчас, — размышлял я, убирая его письмо в конверт. — Прежде чем уехать, я устрою веселую жизнь тому, кто прислал мне эти фрукты; так что, если лорд Ладлоу меня не выгонит, я останусь еще ненадолго». Лорд Ладлоу не хотел, чтобы я уезжал. Третье письмо было от него. «Я возвращаюсь домой завтра вечером, — писал он, — и увижусь с вами в среду. Я уладил все вопросы с мистером Кэррисоном, и поскольку Холл снова мой, я намерен сам попытаться разгадать скрытую в нем тайну. Если вы решите остаться и помочь мне, вы окажете мне услугу, и я постараюсь, чтобы это стоило ваших усилий».

«Я подежурю сегодня ночью и посмотрю, смогу ли сообщить вам завтра какие-нибудь новости», — подумал я. А затем открыл письмо Пэтти — лучшее, самое дорогое и милое письмо, какое только мог принести почтальон на всем свете.

Если бы не слова лорда Ладлоу о том, что он разделит со мной это бремя, я бы не выбрал ту ночь для своего дежурства. Я чувствовал себя больным и вялым — во многом, несомненно, эти ощущения вызывало воображение. Я потерял энергию самым непостижимым образом. Долгие, одинокие дни сказались на моем расположении духа — то суетливое чувство, заставлявшее меня по сто раз на дню смотреть на открытую дверь, закрывать ее и считать, сколько

шагов я успею сделать, прежде чем она снова откроется, истощило мои душевные силы так же, как постоянный нарыв мог бы истощить физические. Я был совершенно не готов к задаче, которую сам перед собой поставил, и все же решил довести дело до конца. Почему я раньше не додумался дежурить в этой таинственной комнате? Был ли я в глубине души напуган? В самом храбром из нас таятся глубины трусости, которые остаются незамеченными, пока не поглотят нашу храбрость целиком.

День тянулся — долгий, унылый день; приближался вечер, ночные тени окутали Холл. Луна должна была взойти лишь через пару часов. Все было мертво и неподвижно. Дом еще никогда не казался мне таким безмолвным и покинутым. Я взял свечу и поднялся в свою обычную комнату, побродив там какое-то время, словно готовясь ко сну; затем погасил свечу, мягко открыл дверь, повернул ключ, сунул его в карман и бесшумно спустился вниз, через холл, в открытую дверь. Только тогда я понял, как был напуган, когда в темноте переступил этот порог. Я замер и прислушался — ни звука; ночь была тихой и душной, словно перед грозой. Казалось, не шевелится ни один лист — даже мыши затаились в своих норах! Бесшумно я пробрался на другую сторону комнаты. Между книжными полками и кроватью стояло старинное мягкое кресло; я сел в него, скрытый тяжелой шторой.

Часы шли — были ли когда-нибудь часы такими долгими? Взошла луна, заглянула в окна и поплыла дальше на запад; но не было ни звука, нет, даже крика птицы. Я казался себе просто комком обнаженных нервов. Каждая частичка моего тела, казалось, дергалась. Сохранять неподвижность было агонией; желание пошевелиться превратилось в пытку. Ах! Полоска света на небе; наконец-то утро, хвала Небесам! Разве кто-нибудь когда-нибудь так радовался рассвету? Запел дрозд — разве звучала когда-либо музыка прекраснее? Это были утренние сумерки, скоро взойдет солнце; скоро это ужасное бдение закончится, а я все так же далек от разгадки, как и прежде.

Тише! Что это? Оно пришло. После часов наблюдения и ожидания, после долгой ночи и долгого напряжения — оно пришло в одно мгновение. Запертая дверь открылась — так внезапно, так бесшумно, что я едва успел отпрянуть за штору, прежде чем увидел в комнате женщину. Она направилась прямо к другой двери и закрыла ее, заперев, как я видел, на засов и замок. Затем, лишь мельком оглядевшись, она подошла к кабинету и ключом, который достала, повернула замок. Я не шевелился, я едва дышал, и все же она казалась встревоженной. Что бы она ни собиралась сделать, она явно спешила, потому что вытащила ящики один за другим и поставила их на пол; затем, когда стало светлее, я увидел, как она сначала опустилась на колени и заглянула в каждую щель, а потом повторила то же самое, встав на стул, который придвинула для этой цели. Хрупкая, гибкая женщина, отнюдь не леди, одетая во все черное — без единого белого пятнышка. Что, черт возьми, ей было нужно? В одно мгновение меня озаарило: ЗАВЕЩАНИЕ И ПИСЬМО! ОНА ИЩЕТ ИХ.

Я выскочил из своего укрытия — она была в моих руках; но она вырвалась, сражаясь как дикая кошка: била, царапалась, пиналась, извиваясь так, словно в ее теле не было костей, и наконец высвободилась и дико метнулась к двери, через которую вошла. Если она достигнет ее, то ускользнет от меня. Я бросился через комнату и поймал ее за платье как раз на пороге. Кровь ударила мне в голову, и я оттащил ее назад: в ней была сила двадцати дьяволов, думаю, ни одна женщина в мире не сопротивлялась так яростно. — Я не хочу вас убивать, — с трудом, задыхаясь, выговорил я, — но убью, если вы не успокоитесь. — Пф! — вскрикнула она, и прежде чем я понял, что она делает, она вытащила револьвер из моего кармана и выстрелила.

Она промахнулась: пуля лишь скользнула по моему рукаву. Я навалился на нее — не могу подобрать другого выражения, потому что это была битва за жизнь, и ни один человек не знает, сколько в нем кроется свирепости, пока не окажется в таком положении. Я навалился на нее и схватился за оружие. Она не отпускала его, но я держал ее так крепко, что она не могла им воспользоваться. Она впилась зубами мне в лицо; свободной рукой вцепилась в волосы.

Она извивалась, выкручивалась и скользила как змея, но я не чувствовал боли — только смертельный ужас от мысли, что мои силы могут иссякнуть. Смогу ли я продержаться еще немного? Она сделала отчаянный рывок, и я почувствовал, что моя хватка слабеет; она тоже это почувствовала, воспользовалась преимуществом, вырвалась и в тот же миг снова выстрелила вслепую, и снова промахнулась.

Внезапно в ее глазах появилось выражение ужаса — ледяной страх. — Смотри! — крикнула она и, швырнув в меня револьвер, бросилась бежать.

В мимолетной вспышке я увидел, что дверь, которая была заперта, распахнута настежь — и рядом со столом стоит ужасающая фигура с поднятой рукой... больше я ничего не видел. Наконец я был ранен; бросая в меня револьвер, она, должно быть, нажала на курок, потому что я почувствовал, как в мое плечо словно вонзилось раскаленное железо, и я успел лишь выбежать из комнаты, прежде чем без чувств рухнуть на мраморный пол холла.

Когда в то утро пришел почтальон и не обнаружил никого на ногах, он заглянул в одно из высоких окон по бокам двери; затем побежал на скотный двор и позвал на помощь. — Внутри что-то не так! — крикнул он. — Этот молодой джентльмен лежит на полу в луже крови.

Когда они подбежали к фасаду дома, то увидели лорда Ладлоу, скачущего по аллее, и задыхаясь рассказали ему о случившемся. — Разбейте окно, — скомандовал он, — и немедленно за врачом.

Они положили меня на кровать в той ужасной комнате и телеграфировали моему отцу. Долгое время я балансировал между жизнью и смертью, но в конце концов поправился настолько, что меня смогли перевезти в дом, принадлежавший лорду Ладлоу на другой стороне Лощины. Еще до этого я рассказал ему всё, что знал, и умолял немедленно начать поиски завещания. — Разломайте кабинет, если нужно, — упрашивал я, — я уверен, что бумаги там. Так оно и было. Его светлость получил свое, а что касается скандала и преступления — одно замяли, а другое осталось безнаказанным. Вдовствующая леди и ее горничная уехали за границу в то самое утро, когда я лежал на мраморном полу в Ладлоу-Холле — и больше никогда не возвращались. Милорд поставил это единственным условием своего молчания.

Не в Медоушире, а в графстве куда более прекрасном, у меня теперь есть ферма, которой я управляю, и мы без труда сводим концы с концами. Пэтти — лучшая жена, какая только может быть у мужчины, а я... что ж, я так же счастлив, хоть и стал немного серьезнее, чем раньше; но бывают времена, когда на меня словно опускается великий ужас тьмы, и в такие минуты я не могу выносить одиночества.

Шарлотта Ридделл - "Ферма Ореховый куст"

Глава первая

Когда я стал арендатором фермы „Ореховый куст”, едва ли не первой новостью, дошедшей до меня в виде осторожных перешептываний, стало то, что в «Длинном поле» видели «нечто».

Когда я припер своего осведомителя к стенке, требуя объяснений, он неохотно признался, что это «нечто» принимает «облик человека», и что лес, а также тропинка, ведущая к нему от Уиттлби, по слухам, населены призраками.

Признаться, все это меня чрезвычайно раздосадовало. Не припомню, чтобы какие-либо известия когда-либо выводили меня из себя сильнее. Излишне говорить, что я не верил в привидения и тому подобную чушь, но поскольку моя жена была женщиной крайне нервной и впечатлительной, а наш единственный ребенок — болезненным и слабым, имевшим обыкновение заходиться в истерике, если его оставляли на ночь без свечи, я был в полной растерянности и не мог сообразить, что делать, если эти рассказы дойдут до их ушей.

А в том, что они до них дойдут, если моя семья переедет на ферму, я не сомневался. Поэтому первым делом, услышав, что люди боятся выходить на Буковую аллею, гулять по рощице или пересекать Длинное поле после наступления темноты, да и при свете дня тоже, я написал жене, что им обоим лучше пока остаться у моего тестя, пока я не приведу дом в полный порядок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.